

К ЗВЁЗДАМ

ЛЕГЕНДА О НОВОМ ЭДЕМЕ

ANKARIS

Ankaris

К звёздам: легенда о Новом Эдеме

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70653847
SelfPub; 2024*

Аннотация

Одинокий астронавт скитается по космосу в поисках себя. История является приквелом «Атем».

Ankaris

К звёздам: легенда о Новом Эдеме

Планета номер... в этой звёздной системе – один, в посещённых мною – тысяча какая-то. Я давно перестал их считать. Голос в голове неустанно твердит: «Пора остановиться. Пора найти ту, которая станет домом». Но я нигде не чувствую себя, как дома. Я и дом не помню. Может, его никогда и не существовало? Или у меня какая-то ментальная болезнь – неспособность чувствовать привязанность?

Гравитация – сердце мироздания. Гравитация притягивает то, что, согласно Закону фатума, должно быть вместе. Так почему же моё сердце не чувствует этого притяжения? Остаётся уповать лишь на мысль-утешение – я слишком далеко от дома, потому притяжение настолько слабо, что не ощутимо.

Звездолёт огибаёт красные хребты и мягко садится на песчаную поверхность Планеты №1. Приборы показывают наличие кислорода, однако его ничтожно мало – без баллона долго не протянуть. Выхожу в скафандре.

Царит ночь, но оранжевого света двух лун хватает, чтобы разглядеть местность: крупный песок, камни, красная глина. Простирающиеся до самого горизонта острые хребты кажутся ещё более безжизненными, чем эта пустыня.

Я сажусь на песок. Снимаю перчатку, касаюсь песчинок – тёплые. Слышится тихое шуршание, и из-за большого пока-того валуна выглядывает существо ростом до моего колена. Тощее, с голым коричневым торсом и в мешковатых крас-ных штанах, напоминающих дхотитрадиционный вид муж-ской одежды, распространённый в Индии. Лысая круглая го-лова с чёрным глазом, занимающим почти всё лицо, больше похожа на шлем скафандра. Носа и рта не наблюдается.

Я поднимаю ладонь в приветственном жесте и достаю из кисетанебольшой мешочек, затягиваемый шнурком порта-тивный переводчик.

– *Канкир-махьрда? [Чужестранец?]* – тоненьким голосо-ком произносит существо, и я замечаю узкую щель в его шее, откуда выходит звук.

– Да, – отвечаю, и из переводчика механически зву-чит: – *Ио.*

Существо подходит ближе и садится на песок передо мной, говорит, что уже видело таких, как я. Я рассказываю ему о своих странствиях. Существо смотрит неморгающим глазом и лишь изредка сипит.

– *Вэхл ури сэнибут? [Сколько ты скитаешься?]* – тихо спрашивает существо, когда я заканчиваю рассказ.

– Мне кажется, всю жизнь, – отвечаю, и переводчик дуб-лирует: – *Эн хаккихъ-ла, нънъкх ха-и-лара.*

– *Нйнь икхъ ури ка-и-лара, [Не здесь твой дом]* – говорит существо.

– Знаю. Не знаю, существует ли он, – отвечаю, и переводчик снова дублирует: – *Нъ бао. Нйнъ нъ бао, йал-а-ла дору.*

Существо устремляет взгляд в ночное небо, и в инопланетном чёрном оке призрачным видением мелькает звёздная система, окутанная розовой туманностью.

– *Икхь-эне [Там]*, – произносит существо и указывает короткой ручонкой вверх.

Икхь-эне... Там...

Я не знаю, зачем это делаю, зачем мой звездолёт бороздит по розовой туманности Аво-Сах-Ум – на которую указало Существо. Туманность – колыбель юных звёзд. Пару раз я замечал раскалённые каменные шары – будущие планеты. Жизнь на них сформируется – если вообще сформируется – лишь через миллиарды лет. Что я должен тут найти?

«*Внимание! Внимание!* – пищит бортовой навигатор. – *Обнаружена экзопланета. Выполняю анализ атмосферы... Углекислый газ 91,87%, азот 3,4%, аргон 1,6%, кислород 0,1%, водяной пар 0,021%...*»

– Понятно, – с горечью выдыхаю. – Никакой жизни.

«*Жду дальнейшую команду о перестройке маршрута*», – бодро сообщает навигатор, словно и не сомневается, что я не буду садиться. Но для чего мы летели сотню световых лет – чтобы в последний момент развернуться?

Звездолёт входит в разрежённую атмосферу. Опускается ниже... Я смотрю в окно иллюминатора и посреди залитой

ярким светом розовой пустыни замечаю что-то, похожее на дерево. Поверхность пустыни ровная, но с потрескавшейся почвой, словно здесь пересох океан.

Звездолёт мягко садится, поднимая розовую пыль. Я выбираюсь наружу, подхожу к исполинскому сухому пню. «Несомненно, дерево», – в мыслях заключаю. По крайней мере, однажды им было. «Странный, страшный баобаб», – опять думаю про себя. И в то же мгновение воздух сотрясают волны вибраций. В самом центре ствола толстая кора начинает трескаться, расползаться, образуя дупло. Я с замиранием наблюдаю за причудливым явлением, думаю, может, посадив звездолёт на поверхность этой планеты, нарушил гравитационный баланс, потому баобаб и лопнул. Но из гигантского дупла показывается не менее гигантский глаз! Смотрит прямо на меня! Взгляд грустный, уставший, безжизненный... Я побывал на тысячах планет, но ничего подобного никогда не видел! Сердце ошалело бьётся.

«Зачем ты здесь?» – спрашивает баобаб, но звук исходит из воздуха. Баобаб остаётся недвижимым, лишь глаз чуть заметно шевелится, наблюдая за мной.

Я рассказываю ему то же, что говорил и Существу: что потерялся, что ищу путь домой. Потом, что Существо указало на эту туманность с единственной сформировавшейся планетой...

– Я знаю, что это не мой дом. Но, может, ты...

«Ты?! – громом звучит отовсюду. – Как ты говоришь с

богом?»

– Это ты, что ли, бог? – невольно усмехаюсь, и баобаб свирепеет. Глаз источает ярость. День сменяется ночью, вливает дождь – розовые капли мокрой энергии падают на потрескавшуюся сухую почву. На ветвях баобаба появляются листья.

«Сними свою маску!» – приказывает баобаб. И мои руки вопреки моей воле стаскивают шлем.

Я делаю вдох, готовясь задохнуться, но вдруг понимаю, что могу дышать! Разум охватывает страх и благоговение. Я инстинктивно опускаюсь на колени. Баобаб скрипит, тоже склоняется, и перед моим лицом оказывается ветка с ярко-красным плодом в центре большого белого цветка, напоминающего лотос.

«Вкуси его!» – опять не просьба, а приказ.

– Что-то подобное было в Библии, – усмехаюсь и начинаю сомневаться: а с богом ли я говорю?

«А-а... – низким гулом звучит в пространстве, – так ты один из сынов Авраама? Дитя Йгия-ки-меси».

– Йгия-ки-меси? – пожимаю плечами.

«Найти себя ты должен сам, – говорит баобаб. И снова протягивает красный плод: – Но я подскажу».

Плод баобаба срывается с ветки и падает мне под ноги.

В выражении гигантского глаза читается боль. Крупная слеза стекает по стволу исполина. Затем ещё одна. И ещё, и

ещё...

– Скажи, что мне сделать? – обращаюсь к баобабу, не зная, как помочь.

Баобаб не отвечает – безутешно льёт слёзы. Воздух вокруг ходит волнами. Вода уже достаёт до колен и всё поднимается и поднимается.

Прихватив плод, я едва успеваю надеть шлем и добежать до звездолёта, как планета в считанные секунды покрывается водой. Баобаб безжизненной корягой всплывает на поверхность новообразовавшегося океана. Его крона и корни выглядят одинаково. Уже не разобрать, где был низ, где верх. Глаз мутнеет, слепнет.

Звездолёт висит над водой, а я продолжаю смотреть в иллюминатор.

Океан ни с того ни с сего начинает иссыхать. За считанные секунды впитывается в поверхность планеты, пока та вновь не превращается в потрескавшуюся пустыню. Баобаб раздувается, становится похожим на гриб-пылевик, и – лопаётся. Его прах разлетается бурой пылью. Планета содрогается. Из трещин густо сочится лава. Жар достаёт до звездолёта – датчики фиксируют критическое повышение температуры. Я взлетаю выше, выхожу на орбиту и вижу, как планету сжирает бурлящая лава. Нажимаю на кнопку «Гиперскорость». Звездолёт разгоняется, достигает края звёздной системы. Датчики снова пищат, показывают всплеск радиации – планета баобаба взорвалась.

Я снимаю скафандр, перевожу звездолёт в режим автопилота и обессилено падаю на пол. Красный плод валяется рядом. Беру его в руку – мягкий, с пушком; нюхаю – пахнет вкусно, сладко. Несу его в лабораторию. Помещаю в анализатор химического состава. После тщательного изучения плода анализатор выдаёт полный химический состав и заключение: «Фрукт. Съедобный. Богат витаминами А, В, С». Достāju его из анализатора и теперь засовываю в сканер. Сканер недолго тарахтит, а затем выплёвывает снимок: по строению плод похож на персик – внутри крупная косточка.

«Если я съем частичку бога, то убью часть бога или сам стану частью бога?» – проносится в мыслях. Сердце подсказывает, что, если я съем плод, – повторю ошибку Евы. «Но ведь баобаб сказал, только так я что-то пойму».

– Ну и как быть? – произношу вслух, и бортовой навигатор отзывается:

«Проложить маршрут до неопознанной Планеты №1?»

– Думаешь, имеет смысл вновь спросить Существо? – усмехаюсь, но не отбрасываю идею.

«Но ведь о дереве-боге оно откуда-то узнало», – отвечает навигатор.

Что ж, почему бы не попробовать?

Однако когда мы возвращаемся в предыдущую звёздную систему, обнаруживаем, что планеты Существа больше нет, а на её месте образовался пояс астероидов. Чуть дальше него навигатор находит газового гиганта – вторую и теперь един-

ственную планету в этой системе.

Ориентируясь на координаты, устремляю звездолёт туда и... теряю способность говорить. И соображать. Прямо перед нами – громадный чёрный шар, вокруг которого... облака! Самые настоящие облака! В открытом космосе! Из них по планете бьют высоковольтные молнии. Всё вокруг оглушительно трещит и гроыхает.

Звездолёт с невиданной силой начинает притягивать к планете, словно это чёрная дыра. Мы не летим – падаем в слои облаков уже самой планеты: водород, гелий, аммиак... Облака причудливой формы – вихристые, зубчатые. Беспросветные. Ниже – чёрные, в тех тоже сверкают молнии. Ещё ниже – тысячи, сотни тысяч торнадо превращают планету в подобие пчелиных сот. Соприкасаясь друг с другом, торнадо двигаются как единый организм. Скорость ветра настолько колоссальная, что она определяет ось вращения целой планеты.

«Уровень опасности критический! – кричит навигатор, когда в десятках метров от нас проносятся копыя молний. – Активирую систему самозащиты через 3... 2... 1...»

Я не успеваю пристегнуться – меня с силой ударяет о стену. Звездолёт совершает гиперскачок, и нас отбрасывает на край галактики.

Прихожу в себя от боли. Кости ломит, череп раскалывается. На полу кровь. Машинально провожу руками по лбу,

вискам – всё в крови. Запястье рассечено, но не смертельно. Пытаюсь подняться на ноги и тут же падаю. Если не войти в криосон, после гиперскачка всегда так – как во время сильного опьянения.

Часы оттикивают минуты, прежде чем сознание наконец проясняется. Снова поднимаюсь. На этот раз успешно. Иду к панели управления – убедиться, что в электронике не произошло никаких сбоев и звездолёт находится в режиме автопилота. Техника работает исправно, но на борту хаос: всё, что не было закреплено или закрыто эфирными экранами, разлетелось по полу. Впервые мы совершили гиперскачок, не включив внутреннюю защиту, – не было времени.

Роботы-помощники сейчас не помощники. Тут только вручную разгрести. Но сначала – подлатать порезы.

Захожу в лабораторию: с техникой и аппаратами всё в порядке, здесь они всегда находятся под защитой стабилизирующего эфира, а вот столы, стулья и прочая мелочь разлетелась.

Отключаю эфир. Включаю регенератор и ложусь в капсулу. Две коротких вспышки света – и от порезов не остаётся и следа. Выбираюсь из капсулы и решаю начать уборку с лаборатории. Поднимаю стулья. Собираю медицинскую утварь. Когда переворачиваю опрокинувшийся громоздкий стол, под столешницей обнаруживаю плод баобаба. Раздавленный, побуревший, превратившийся в кашу. Одна лишь косточка цела. Крепкая. Аккуратно собираю остатки в мис-

ку. Причудливый фрукт по-прежнему источает дурманящий аромат.

– Откуда я знаю библейскую историю об Эдеме? Откуда я знаю о Библии? – шепчу себе под нос, поражаясь тому, что не задавался этим вопросом раньше. – Это *так* ты работаешь? – усмехаясь, спрашиваю то, что некогда было фруктом.

Пытаюсь вспомнить ещё хоть что-нибудь из этой Библии – в сознании чистый лист. Но если в моей памяти сохранилась история об ошибке Евы, значит, мозг посчитал её критически важной?..

– Не буду я тебя есть, – вновь обращаюсь к превратившемуся в кашу плоду. – Я тебя выращу, – говорю и прошу навигатор проложить маршрут к любой планете с плодородной почвой.

Четыреста световых лет остаются позади, и вот звездолёт садится на небольшую планету с морями и густыми джунглями. В лазурном небе над красной морской гладью летают белые существа: они то раздуваются, как воздушные шары, то сдуваются, превращаясь в громадные зонты. По единственному матерiku бродят гигантские насекомые: пауки, клопы, жуки, клещи, гусеницы, личинки, муравьи...

Не могу я закопать косточку в этом враждебном мире. Не могу бросить. Не вырастет. Не справится. Затопчут. Сожрут. Сердце щемит от странного нового чувства. Ничего подобного никогда не испытывал. Что это?

Посылаю зонд набрать почвы. Тот не успевает долететь до открытой поляны – мухоподобное существо сбивает его. Подбирает, держит в лапках и покрывает слюной. Зонд предсмертно пищит и расплавляется. Вторым зондом рисковать не хочу – неизвестно, когда ещё найдём планету с разумной жизнью и развитыми технологиями. На последней мы были... кажется, шесть лет назад. А потом её поглотили войны, и народы уничтожили и свои технологии и друг друга.

Сам выбираюсь наружу. Скафандр не нужен – уровень кислорода в атмосфере высокий. Время на поиски правильного места нет – слишком опасно. Впопыхах копаю почву прямо перед звездолётом. Набираю целое ведро, когда резкий запах почти сбивает с ног – прямо на меня медленно ползёт клоп-переросток. Воняет от него так, что ещё немного и я потеряю сознание. Прыгаю на ступеньку звездолёта и спешно взбираюсь внутрь.

Шли дни, тянулись недели, пролетали месяцы... Я терял всякую надежду, что косточка даст росток. Возможно, найденная почва оказалась непригодной для столь диковинного растения. Или не нужно было закапывать её вместе с мякотью. Может, из-за мякоти косточка сгнила. Баобаб-родитель вообще рос в розовом песке, на который лился дождь розовой энергии. А что было у меня? Обычный черногрунт, глиняный горшок и H₂O двойной фильтрации...

«Внимание! Внимание! Опасность! Обнаружена биологи-

ческая угроза!» – пищит сигнализация, и я со всех ног бегу в лабораторию, чтобы надеть защитный костюм. Мы где-то умудрились занести на борт вирус?..

Но каково оказывается моё удивление, когда я замечаю летающий вокруг горшка биодетектор. В самом центре сырой почвы виднеется крошечный зеленоватый бугорок. Проклюнулся!

Проходят ещё семь долгих месяцев, прежде чем росток наконец становится похожим на маленькое деревце. А вместе с ним и в моей груди растёт странное новое чувство. Меня начинает меньше заботить вопрос поиска потерянного дома, угасает интерес к исследованию иных планет. Дни я провожу рядом с баобабом: забочусь о нём... говорю с ним.

– Как ты сегодня, малыш Бао? – спрашиваю в один из очередных разов, когда захожу полить.

Слышится тихий хруст, а затем в центре маленького ствола кора разъезжается и из образовавшегося дупла впервые показывается фиолетовый глазик. Смотрит то ли удивлённо, то ли испуганно.

– Привет, дружок, – говорю и улыбаюсь. Во взгляде малыша тоже читается улыбка. – Меня зовут Эдэху, а тебя? – Тишина. – А твой родитель умел говорить... Может, ты ещё слишком мал?

Месяцы сменяют друг друга, но малыш Бао так и не начинает говорить. Каждый день я читаю ему истории из «Альманаха Миров». Ему явно нравится – он иллюстрирует услы-

шанное на своём расширяющемся чёрном зрачке. И... по-прежнему молчит... Не знаю, заговорит ли вообще. Может, речи его должен обучать представитель его вида, а не безродный скиталец?..

А потом, в один из дней я нахожу Бао заболевшим... Ежечасного с него опадает крошечный листик. Ствол иссыхает. Из глазика текут слёзы и когда попадают в почву, всё становится только хуже: опадают сразу два листка.

– Бао, я не знаю, как тебе помочь. Покажи, что мне сделать? – прошу, и в маленьком зрачке появляется изображение планеты. – Покажи лопату, если хочешь, чтобы я посадил тебя там.

В зрачке вырисовывается нечто, напоминающее совок.

Планета, на которую указал Бао, в «Альманахе Миров» зовётся Планетой Смерти. Когда мы прилетаем на неё, лишь убеждаемся в справедливости названия: чёрное небо, пепел, прах, трупы, кости и огонь. То тут, то там мелькают полукилометровые базальтовые статуи – безликие столпы в мантиях с капюшонами. Рядом – на огромных каменных возвышениях – идут бои на катанах. На каждой плите по два воина в рогатых железных масках орангутано-быков. Из прорезей святятся красные глаза. Как только проигравший падает вниз мёртвым изрезанным телом, на его место приходит новый боец.

Не понимаю выбор Бао. Он же непреклонен – хочет, чтобы я посадил его именно здесь.

Я нахожу укромное место за высокими скалами, среди колючих кустарников и редких деревьев. Сердце рвётся в клочья, но я высаживаю Бао. «Улетай!» – показывает он, когда в кустах слышится шорох. Я осматриваю округу – ничего. Просто ветер, поднимающий песчаные вихри. Снова подхожу к Бао, сажусь рядом. Он лупоглазо смотрит – иссохший, облысевший, измученный; и на моих глазах проступают слёзы. «Улетай! Улетай! Улетай!» – снова рисует звездолёт в своём крошечном зрачке.

Я выполняю желание Бао: оставляю его и улетаю. Слёзы слепят глаза. Не знаю, как унять эмоции. Не знаю, что за чувство. Даю команду навигатору совершить полёт на двести световых лет и обратно. Без гиперскачка. Может, время вылечит. Ложусь в капсулу, включаю криосон...

...Звонит будильник – прошло четыреста лет. Звездолёт висит над Планетой Смерти. Базальтовые столпы на месте, но обветшали. Каменные платформы для боёв потрескались. Бойцов нет ни на одной.

Я сажаю звездолёт предположительно там, где посадил Бао. Не сразу узнаю местность: стало зеленее, почва очистилась от пепла. Небо ясное, усыпанное звёздами. Вдалеке сверкают молнии и раскатисто гроыхает гром. Будет дождь.

– Бао? – не могу понять, действительно ли это двухметровое дерево он. Думал, за четыреста лет он станет выше.

Слышится хруст, и из образовавшегося дупла показыва-

ется большой фиолетовый глаз.

– Бао! – кидаюсь к нему и обнимаю за бочкообразный ствол.

Пространство вибрирует и в этих вибрациях я слышу: «Эдэху!»

– Бао, малыш, ты научился говорить! – смеюсь. И Бао смеётся в ответ: «Я больше не малыш».

Мы говорим всю ночь напролёт, не обращая внимание ни на дождь, ни на грозу. Бао рассказывает, как впитал в себя всю разрушительную энергию планеты.

– То-то твоё брюшко стало толще, – смеюсь. – Я останусь с тобой, Бао.

«Эдэху... – звучит с раскатами уходящей грозы, и в чёрном зрачке появляется планета, – тебе нужно туда. Со мной всё будет хорошо. Мы ещё увидимся. Найди *свой* дом».

Планета, указанная Бао, в «Альманахе Миров» носит название Аум. Пригодная для жизни, но ни животными, ни разумными существами не населена – только несколькими видами трав и громадными цветами – шародуванчиками.

Звездолёт садится на берегу океана. Воздух чистый, на вкус сладкий. Большая оранжевая звезда наполовину скрылась за горизонтом, окрасив и небо, и океан тёплым золотым светом. Вдоль побережья на бескрайнем зелёном лугу – большие белые шары из пуха, напоминающие одуванчики на коротких стеблях. Я сижу на песке, вдыхаю воздух, пытаюсь почувствовать хоть какую-нибудь связь с этим миром.

Ничего.

Как я вообще должен понять, какой мир мой, не пожив в нём? Хотя... вот поживу, привыкну и решу, что привычка – это и есть истина чувств.

От размышлений меня отвлекает тёмный силуэт. Кто-то бродит вдоль кромки воды. На всякий случай достаю плазмомёт и иду навстречу.

– Привет... – только и получается произнести, когда мы оказываемся в паре метров друг от друга.

За столько лет скитаний по Вселенной, ни в одном из миров я так и не повстречал представителей своего вида. А сейчас прямо передо мной стоит она – такая же, как я. Длинные волосы цвета медного заката, чёрные одеяния, босые ноги. Моё сердце бьётся так быстро, что, кажется, вся кровь стекается к нему, оттого руки холодеют.

– Привет, – отзывается она на том же языке.

Я не знаю, кто она, почему здесь одна, единственное, в чём уверен – я её знаю. Знал. Помнил. В воспоминаниях разверзается хаос: память швыряет картину за картиной, где мы вместе...

– Шуминис... – срывается с губ. – Ты меня помнишь? – спрашиваю, снимая капюшон.

Она подходит ближе. Всматривается в моё лицо и только потом тихо отвечает:

– Нет. Но ты мне снился.

Воздух вдруг дрожит. По водной глади океана бегут невы-

Сокие волны. Пространство вибрирует, и отовсюду звучит: «А-а... у-у... м-м...» Звук проникает в мозг, сердце, душу... Новый, осязаемый. Обволакивающий. Успокаивающий. Тёплый.

Пух с диковинных растений срывается и, поднимаясь в небо, исчезает в бархате сумеречной синевы.

– Утром, когда взойдёт звезда, они снова вырастут, – говорит Шуминис. – А на закате снова станут пухом и улетят.

– Почему? – смотрю на неё, и она пожимает плечами. – Как ты здесь оказалась?

– Случайно, – не сразу отвечает. – А ты?

Я рассказываю ей о себе, она – о себе. Наши жизни похожи. Мы оба выросли на планетах с разумными существами другого вида, но почему-то и я, и она говорим не на языках наших воспитателей, а на языке наших мыслей. В «Альманахе Миров» он зовётся «Неизвестный язык №17».

Мы говорим и говорим. Неспешно бродим вдоль берега, слушаем дыхание океана и лишь сильнее убеждаемся: где-то, когда-то мы были вместе.

«Любовь» – возникает в сознании забытое слово. Именно она наполняет моё сердце в призрачных воспоминаниях. Именно это чувство пробудилось во мне с появлением Бао. И рвётся наружу сейчас.

В памяти прорисовывается столько картин из каких-то других, словно не моих жизней и иных миров. Там мы с Шу-

минис вместе. Она описывает те же события, но, говорит, они ей снились. Всё, что нам удаётся выяснить, – мы оба связаны с местом под названием Йгия-ки-меса.

Несколько месяцев мы скитаемся по самым отдалённым уголкам Вселенной, облетаем вдоль и поперёк даже Великий войд – пустое чёрное пространство, протянувшееся на миллиард световых лет. Найти Йгия-ки-месу так и не удаётся...

Мы сидим на крошечной блуждающей планете Вечной ночи. Обнявшись и свесив с планеты ноги, наблюдаем за светящимися голубыми бабочками, что летают над душистыми цветами.

В траве слышится шорох, стебли раздвигаются и перед нами предстаёт... Существо? В его большом чёрном глазе вспыхивает Планета Смерти, и Существо исчезает – рассеивается сизой дымкой. Бао не велел прилетать, пока я не найду свой дом. Сердце же подсказывает – мне нужно к нему. Немедленно. Прошу Шуминис не лететь со мной, но она непреклонна:

– Я не могу потерять тебя вновь.

Звездолёт садится на Планете Смерти. Здесь всё так, как и в день моего первого визита: трупы, пепел, огонь, бои... Бао подрос. Увеличился вдвое. Листьев почти не осталось, ствол изрешетили дырки. Вокруг него вьются несколько израненных бойцов – грызаются и вмиг исцеляются. И снова бегут на платформы.

Ствол хрустит. Из дупла показывается глаз.

«Эдэху... – чуть слышно звучит в вибрациях, – я не справился. Улетай...»

По сухой траве ползут ещё окровавленные изувеченные. Я стреляю в них. Но их становится только больше: с платформ спрыгивают и здоровые бойцы. С неистовой яростью кидаются с катанами на Бао. Выкалывают его глаз, протыкают ствол. Бьют безжалостно и безостановочно. Я не успеваю окликнуть Шуминис – сквозь мои рёбра прорывается остриё катаны.

В ушах шумит. Глаза застилает красная пелена. Пространство ходит волнами вибраций. Шуминис выкрикивает моё имя, перестаёт отстреливаться и бежит ко мне. Делает очередной шаг, и чья-то катана пронзает её грудь. Другая проходит сквозь шею. Шуминис падает на усыпанную пеплом почву. Смотрит на меня, пытается что-то произнести, но выходит только тихий хрип. Я уже не вижу её – глаза выжигает соль с кровью. У самого остаются секунды. Надеюсь, что она услышит, шепчу куда-то в пустоту. Говорю, что это не конец. Обещаю, что буду искать её... в тысячах миров и тысячах жизней, пока не найду вновь...

КОНЕЦ